

Поливанова, Николина, Степаненко, Мирославский,
Пуктецкая, *Connections QJ* 21, № 4 (2022): 13-30
<https://doi.org/10.11610/Connections.rus.21.4.03>

Рецензированная статья

Полях и другие против Украины: последние стандарты применения статьи 8 Европейской конвенции по правам человека в делах о люстрации

Елена Поливанова, Екатерина Николина, Кирилл Степаненко, Сергей Мирославский, Алла Пуктецкая

Аннотация: В данной статье рассмотрено дело 2019 года «Полях и другие против Украины» и последние стандарты Европейского суда по правам человека касательно применимости статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года в делах о люстрации. В своём решении по делу Поляха Суд установил нарушение права всех истцов на уважение частной жизни в связи с применением Украиной мер люстрации. На основании предыдущей практики Суда в отношении люстрации в государствах Центральной и Восточной Европы и практики Совета Европы сделан вывод о том, что применение мер люстрации, таких, как увольнение в сочетании с запретом занимать государственные должности в течение десяти лет, наряду с преждевременным включением имени люстрируемого лица в общедоступный люстрационный список, существенно влияет на его частную жизнь. Следовательно, может быть применена статья 8 Конвенции. Если бы вместо увольнения истцам был предложен перевод на другие, менее ответственные должности или предоставлена возможность трудоустройства на государственной службе, Суд в связи с меньшим влиянием применённых мер люстрации на неприкосновенность частной жизни истцов не стал бы ссылаться на статью 8 Конвенции.

Ключевые слова: право на уважение частной жизни, Европейский суд по правам человека, меры люстрации, Полях.

Вступление

Когда политические события оборачиваются сменой режима или системы, часто считают необходимым помешать тем или иным представителям предыдущей государственной власти занимать высшие должности, чтобы помочь изменению политического ландшафта страны. Этот процесс в мировой политике известен как люстрация. Люстрация направлена на отстранение от участия в государственной деятельности лиц, которые поддерживали, организовывали и занимали руководящие или государственные должности при свергнутом режиме. Эти меры, как политические, так и правовые, направлены на смягчение последствий действий предыдущих властей, воспринимавшихся как враждебные народу, зачастую контролировавших все ветви власти, нарушая закон, игнорируя верховенство закона и права человека.

В новейшей истории человечества процесс люстрации начался с денацификации Германии по решению Потсдамской конференции.¹ После распада СССР процессы люстрации инициировали в ряде стран, включая Чехию, Венгрию, Эстонию, Латвию, Румынию и Польшу. Однако в Украине концепция люстрации публично не обсуждалась и не считалась актуальной, поскольку новый политический класс в основном состоял из бывших членов КПСС. Первый Президент Украины Л.М. Кравчук ранее был Председателем Верховной Рады Украинской ССР. Несмотря на смену риторики, советские взгляды сохранялись в дискурсе власти на всех уровнях.

Тогда конфликта удалось избежать, но проблема люстрации стала актуальной в 2014 г., после свержения «режима Януковича». Следует отметить, что несмотря на узурпацию власти и нарушения свободы слова, «режим Януковича» правил так же, как и его предшественники: коррупция была свойственна не только его администрации, и неэффективность государственных институтов не была связана исключительно с его действиями. У режима отсутствовала какая-либо идеология, кроме укрепления связей с Россией и странами СНГ (Украина никогда не входила в СНГ), которое можно рассматривать как «демократический» аналог Советского Союза (при детальном анализе внутривластных событий в каждой стране-участнице СНГ).

В 2014 г. вопрос люстрации встал, как реакция на результат скрытого коммунистического правления, которое продолжалось в течение 30 лет. Общество стремилось не просто к псевдодемократии, а к конструктивному диалогу с избранными властями, верховенству права и улучшению демократических отношений на мировой арене. Украинцы неоднократно выражали свое стремление к верховенству права в ходе митингов, протестов и революций. Общество резко реагировало на нарушения прав человека. Таким образом, люстрация в Украине не только выполняет психологическую

¹ О.В. Стогова, «Люстрація як передумова ефективної боротьби з корупцією», *Сучасне суспільство*, № 11 (2016): 167-177, 170, <https://zenodo.org/records/51248>.

функцию, но стала значимым аспектом политической жизни. В результате в 2015 г. был принят Закон об очищении власти.

При обсуждении законопроекта звучали опасения, что в нём не описаны конкретные процедуры, нет критериев злонамеренной деятельности или бездействия, нарушается защита персональных данных, поощряется вмешательство в частную жизнь и не обеспечивается справедливое судебное разбирательство.² В постреволюционной спешке новая власть торопливо приняла Закон об очищении власти, возможно, чтобы не утратить доверие или ради популизма, не уделив ему должного внимания. Хотя закон был направлен на поддержание верховенства права и чистку власти от чиновников, сотрудников правоохранительных органов и судей, которые злоупотребляли своим положением и способствовали давлению на политических оппонентов и активистов, ему не хватало правовой последовательности, и похоже, что он исходил из политической целесообразности, как отмечают юристы, политологи и международные партнёры Украины. Звучали предложения внести поправки в закон, распространив люстрацию на чиновников и сотрудников правоохранительных органов, которые способствовали нарушениям прав человека во время Евромайдана и Революции достоинства. Такие поправки укрепили бы закон, продемонстрировав приверженность правам человека и сохранив при этом его суть с небольшими изменениями.

24 февраля 2020 г. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) отказался передать дело «Полях и другие против Украины» в Большую палату ЕСПЧ.³ Как того требует статья 44 § 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года,⁴ Решение по делу «Полях и другие против Украины» (Полях) однозначно подтвердило нарушение Украиной права на уважение частной жизни всех истцов и права на справедливое судебное разбирательство в разумные сроки для первых трех истцов.⁵ Дело Поляха стало последним в списке дел ЕСПЧ о нарушении права на уважение частной жизни при применении мер люстрации и может считаться делом, устанавливающим новейшие стандарты Суда по применимости статьи 8 Конвенции в таких случаях. Главный недостаток Закона об очищении власти заключается в том, что невозможно доказать личную роль чиновников в какой-либо недемократической деятельности, имевшей место при правлении бывшего

² Лариса Денисенко, «Люстрація не має перетворюватися на політичну помсту», *Deutsche Welle*, October 18, 2019, <https://www.dw.com/uk/коментар-люстрація-не-має-перетворюватися-на-політичну-помсту/a-50891070>.

³ «Grand Chamber Panel's Decisions» (European Court of Human Rights, September 9, 2019), <https://hudoc.echr.coe.int/?i=003-6499586-8573502>.

⁴ «European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms,» as amended by Protocols nos. 11 and 14, ETS 5 (European Court of Human Rights, 1950), <https://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=basictexts&c>.

⁵ «Case of Polyakh and Others v. Ukraine» (Strasbourg: European Court of Human Rights, October 17, 2019), <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-196607>.

президента Виктора Януковича.⁶ Ещё труднее будет доказать, были ли их действия преднамеренными. Если да, то нужно определить, как оценивать их ответственность за события 2013-2014 гг.

В данной статье мы рассмотрим дело Поляха и предыдущую практику Суда по люстрации, чтобы определить и проанализировать новейшие стандарты применимости статьи 8 Конвенции. Анализ подтверждает, что такие меры люстрации, как увольнение человека в сочетании с запретом занимать государственные должности в течение десяти лет, а также преждевременное включение в общедоступный люстрационный список, являются достаточным основанием для того, чтобы ЕСПЧ признал влияние мер люстрации на частную жизнь лица оправдывающим применение статьи 8 Конвенции. Однако меньшие последствия могли бы привести к другому выводу.

Исследование в первую очередь касалось анализа решения по делу Поляха и предыдущей практики Суда по рассмотрению применения мер люстрации, ущемляющих право на защиту и уважение частной жизни, как это предусмотрено статьёй 8 Конвенции, в странах СНГ на этапе перехода от тоталитарного коммунистического режима к демократии.⁷ Однако научная основа этой статьи опирается на работы Араи-Такахаси,⁸ Камерона,⁹ Гомеса-Аростеги,¹⁰ Фельдмана,¹¹ Килкелли,¹² Лукаидеса,¹³ Меррилза,¹⁴ Оста,¹⁵

⁶ Oleksandr Radchuk, "Instead of Lustration: Is There an Alternative to the Law on the Cleansing of Power," *Slovo i Dilo*, October 22, 2019, <https://www.slovoidilo.ua/2019/10/22/kolonka/aleksandr-radchuk/polityka/lyustracziyi-chy-isnyue-alternatyva-zakonu-pro-ochyshhennya-vlady>.

⁷ "Case of Polyakh and Others v. Ukraine."

⁸ Yutaka Arai-Takahashi, *The Margin of Appreciation Doctrine and the Principle of Proportionality in Jurisprudence of the ECHR* (Antwerp: Intersentia, 2002), 320 p.

⁹ Iain Cameron, *An Introduction to the European Convention on Human Rights* (Uppsala: Iustus Förlag, 2002), 200 p.

¹⁰ H. Tomás Gómez-Arostegui, "Defining Private Life Under the European Convention on Human Rights by Referring to Reasonable Expectations," *California Western International Law Journal* 35, no. 2 (2005): 153-202, <https://scholarlycommons.law.cwsl.edu/cwilj/vol35/iss2/2/>.

¹¹ David Feldman, "The Developing Scope of Article 8 of the European Convention on Human Rights," *European Human Rights Law Review* 3 (June 1997): 265-274.

¹² Ursula Kilkelly, "The Right to Respect for Private and Family Life. A Guide to the Implementation of Article 8 of the European Convention on Human Rights," *Human Rights Handbooks*, No. 1 (Strasbourg: Council of Europe, August 2003), <https://rm.coe.int/168007ff47>.

¹³ Loukis G. Loucaides, *Essays on the Developing Law of Human Rights* (International Studies in Human Rights) (Brill-Nijhoff, 1995), 240 p.

¹⁴ John G. Merrills, *The Development of International Law by the European Court of Human Rights* (New York, NY: Manchester University Press, 1993), 265 p.

¹⁵ F. Ost, "The Original Canons of Interpretation of the European Court of Human Rights," in *The European Convention for the Protection of Human Rights: International Protection Versus National Restrictions*, ed. Mireille Delmas-Marty and Christine Chodkiewicz (Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1992), 238-318.

Роаньи¹⁶ и Ван Дийка с Ван Хоофом.¹⁷ В этих работах рассмотрены конкретные аспекты практики Суда, связанные со статьёй 8 Конвенции. Кроме того, необходимо учитывать вклад Кроссли-Фролик,¹⁸ Давида,¹⁹ Дости,²⁰ Финци,²¹ Гросеску,²² Холмои,²³ Хорн,²⁴ Киллингсуорта,²⁵ Летки,²⁶

¹⁶ Ivana Roagna, *Protecting the Right to Respect for Private and Family Life under the European Convention on Human Rights*, Council of Europe Human Rights Handbooks (Strasbourg: Council of Europe, 2012), 1-96, <https://rm.coe.int/16806f1554>.

¹⁷ Pieter van Dijk and G.J.H. van Hoof, *Theory and Practice of the European Convention on Human Rights* (The Hague: Kluwer Law International, 1998).

¹⁸ Katy Crossley-Frolick, "Sifting through the Past: Lustration in Reunified Germany," in *Lustration and Consolidation of Democracy and the Rule of Law in Central and Eastern Europe*, ed. Vladimira Dvořáková and Anđelko Milardović (Zagreb: Political Science Research Centre, 2007), 197-213.

¹⁹ Roman David, *Lustration and Transitional Justice: Personnel Systems in the Czech Republic, Hungary, and Poland* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2011).

²⁰ Neviana Dosti, "Dealing with the Past: The Limited Opening of the Files in Albania," in *Lustration and Consolidation of Democracy and the Rule of Law in Central and Eastern Europe*, 223-224.

²¹ Jakob Finci, "Lustration and Vetting Process in Bosnia and Herzegovina," in *Lustration and Consolidation of Democracy and the Rule of Law in Central and Eastern Europe*, 217-221.

²² Raluca Grosescu, "The Role of Civil Society in the Romanian Transitional Justice Failure," in *Lustration and Consolidation of Democracy and the Rule of Law in Central and Eastern Europe*, 183-195.

²³ Gábor Halmai, "Lustration and Access to the Files of the Secret Police in Central Europe," in *Lustration and Consolidation of Democracy and the Rule of Law in Central and Eastern Europe*, 19-46.

²⁴ Cynthia M. Horne, "International Legal Rulings on Lustration Policies in Central and Eastern Europe: Rule of Law in Historical Context," *Law & Social Inquiry* 34, no. 3 (Summer 2009): 713-744, https://cynthiamhorne.weebly.com/uploads/8/9/9/8/8998042/lsi-horne_legal_rulings.pdf.

²⁵ Matt Killingsworth, "Lustration after Totalitarianism: Poland's Attempt to Reconcile with Its Communist Past," *Communist and Post-Communist Studies* 43, no. 3 (September 2010): 275-284, <https://www.jstor.org/stable/48609722>.

²⁶ Natalia Letki, "Lustration and Democratization in East-Central Europe," *Europe-Asia Studies* 54, no. 4 (2002): 529-552, <https://doi.org/10.1080/09668130220139154>.

Маркешича,²⁷ Милардовича,²⁸ Мишталь,²⁹ Петреску,³⁰ Ракич-Водинелич,³¹ Равайтите,³² Рея,³³ Урсаки,³⁴ Вукса³⁵ и Вильямса.³⁶ Эти работы в первую очередь исследуют теоретические и концептуальные подходы к люстрации и установлению верховенства права и демократии в Центральной и Восточной Европе, включая Украину. Они также затрагивают проблемные аспекты применения посткоммунистического люстрационного законодательства в регионе. Однако последние стандарты применения статьи 8 Конвенции в делах о люстрации всесторонне ещё не анализировались, поскольку эти стандарты были установлены Судом в конце 2019 г. Цель данной статьи – разъяснить эти стандарты, изложенные в деле Поляха, и предложить правила, рекомендации и идеи для предотвращения люстрационных практик, нарушающих право на уважение частной и семейной жизни, предусмотренное Конвенцией, в будущих делах.

Материалы и методы

В статье использована методология описательного качественного исследования для изучения прецедентного права ЕСПЧ в отношении применения мер люстрации, а также документов Совета Европы о люстрации. Основное

²⁷ Ivan Markešić, “The Catholic Church in Croatia: From Tending to Lustration to Lustration Crisis,” in *Lustration and Consolidation of Democracy and the Rule of Law in Central and Eastern Europe*, 111-126.

²⁸ Anđelko Milardović, “Elite Groups in the Waves of Democratization and Lustrations,” in *Lustration and Consolidation of Democracy and the Rule of Law in Central and Eastern Europe*, 85-110.

²⁹ Barbara A. Misztal, “How Not to Deal with the Past: Lustration in Poland,” *European Journal of Sociology/Archives Européennes de Sociologie* 40, no. 1 (1999): 31-55, <https://doi.org/10.1017/S0003975600007268>.

³⁰ Dragoş Petrescu, “Dilemmas of Transitional Justice in Post-1989 Romania,” in *Lustration and Consolidation of Democracy and the Rule of Law in Central and Eastern Europe*, 127-151.

³¹ Vesna Rakić-Vodinelić, “An Unsuccessful Attempt of Lustration in Serbia,” in *Lustration and Consolidation of Democracy and the Rule of Law in Central and Eastern Europe*, 169-182.

³² Julija Ravaitytė, “Evaluation of the Lustration Policy in Lithuania,” *Politologija* 77, no. 1 (2015): 49-100, <https://doi.org/10.15388/Polit.2015.77.7374>.

³³ Larry Ray, “At the End of the Post-Communist Transformation? Normalization or Imagining Utopia?” *European Journal of Social Theory* 12, no. 3 (2009): 321-336, <https://doi.org/10.1177/1368431009337>.

³⁴ Raluca Ursachi, “In Search of a Theoretical Framework of Transitional Justice Toward a Dynamic Model,” in *Lustration and Consolidation of Democracy and the Rule of Law in Central and Eastern Europe*, 65-83.

³⁵ Ya.V. Vuks, “Lustration Legislation in Eastern Europe and Its Meaning for the Western World,” Master’s Thesis (Texas: The University of Texas at Arlington, 2014).

³⁶ Kieran Williams, Brigid Fowler, and Aleks Szczerbiak, “Explaining Lustration in Central Europe: A ‘Post-communist Politics’ Approach,” *Democratization* 12, no. 1 (2005): 22-43, <https://doi.org/10.1080/1351034042000317943>.

внимание уделено комментариям, связанным с применением мер люстрации на основании Закона об очищении власти в Украине. Научный подход включал сравнительный контекстуальный анализ решений Суда, касающихся применимости статьи 8 Конвенции, которая гарантирует право на уважение частной жизни.

Методология исследования, использованная при анализе, включала общенаучные, групповые и специальные научные исследовательские подходы, методы и приемы. В исследовании по существу принят диалектический общенаучный подход, который облегчает понимание генезиса прав человека в люстрационных делах, рассмотрение правовых позиций Суда в таких делах, применение статьи 8 Европейской конвенции по правам человека. Также широко использован системный метод, позволяющий анализировать положения ЕКПЧ и решения Суда, исследовать право на уважение частной жизни в рамках прав человека и выявлять взаимосвязь между человеческими потребностями и интересами в контексте люстрации.

Для определения основных объектов правовой защиты в сфере частной жизни в соответствии со статьёй 8 Конвенции был использован метод перехода от конкретного к абстрактному. И наоборот, метод перехода от абстрактного к конкретному использовался для разъяснения положений ЕСПЧ и применения правовой позиции Суда в его решениях. Метод социально-правового группового исследования способствовал раскрытию социального контекста, влияющего на проявление неотъемлемых прав человека в общественной жизни, и выявлению основных ценностей частной жизни, подлежащих правовой защите в соответствии со статьёй 8 Конвенции. Важную роль в исследовании сыграли специальные научные методы, в том числе метод толкования правовых норм для анализа содержания Конвенции и прецедентного права Суда. Сравнительно-правовой метод был использован для выявления сходства и различий в трактовке частной жизни в люстрационных делах, а метод обобщения судебной практики помог сделать выводы из накопленной судебной практики. Кроме того, для уточнения терминологии и классификации использовались такие общенаучные методы формальной логики, как индукция, дедукция, анализ, синтез, сравнение, абстракция, экстраполяция и типизация. Дополнительными методами исследования были контент-анализ и интерпретация статистических данных. Эмпирическую основу исследования составили Конвенция и другие международно-правовые акты о правах человека и основных свободах, а также судебные прецеденты.

Статья 8 Конвенции закрепляет право на уважение и защиту частной и семейной жизни, жилища и переписки человека. Чтобы сослаться на эту статью, истец должен доказать, что его иск касается хотя бы одного аспекта, охваченного статьёй 8, например, личной или семейной жизни, дома или переписки. Следовательно, Суд первоначально оценивает, отвечает ли требование истца положениям статьи 8, и полностью ли оно соответствует её принципам. Далее Суд инициирует проверку, чтобы определить, имело ли

место нарушение закона и выполнило ли государство свои обязательства по защите нарушенного права. Пункт 2 статьи 8 Конвенции определяет случаи, когда государство и его органы имеют право ограничивать реализацию прав, гарантированных Конвенцией. К ним относятся случаи, касающиеся общественной, национальной и экономической безопасности, предотвращения преступлений и борьбы с ними, а также защиты жизни, здоровья, прав и свобод других лиц. Вмешательство государства в права, изложенные в статье 8, допустимо, если оно соответствует принципам законности и необходимости в демократическом обществе и направлено на соблюдение целей Конвенции.³⁷

В деле Поляха истцы выразили обеспокоенность нарушениями их права на защиту и уважение частной и семейной жизни.³⁸ Первый истец утверждал, что государство ущемило его права, уволив его с должности, наложив десятилетний запрет на государственную службу и публично раскрыв его личность исключительно на основании его пребывания в должности в течение периода, установленного Законом об очищении власти. Истец испытывал неопределённость в личной и профессиональной жизни из-за невозможности оспорить конституционность Закона об очищении власти в Конституционном суде. Внесение его имени в реестр люстраций запятнало его репутацию, поскольку он не мог добиться удаления записи до рассмотрения дела в суде. Второй, третий, четвертый и пятый истцы указали на последствия их увольнения для личных и профессиональных отношений. Потеря работы имела неблагоприятные финансовые последствия для них и их семей. Кроме того, причины их увольнения, а именно предполагаемая причастность к «узурпации власти» бывшим президентом и предполагаемый подрыв национальной безопасности, обороны и прав человека, негативно повлияли на их профессиональный авторитет. Правительство Украины признало нарушение статьи 8 Конвенции и вмешательство в права и свободы граждан.³⁹

Результаты и их обсуждение

Соответствие мер, применённых к истцам властями стран-участниц, принятому ими законодательству о люстрации, нарушается не только в случае с Поляхом. Прецедентное право Суда подтверждает, что применение мер

³⁷ *Guide on Article 8 of the European Convention on Human Rights: Right to Respect for Private and Family Life, Home and Correspondence* (Council of Europe/European Court of Human Rights, 2022), www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_8_ENG.pdf.

³⁸ “Case of Polyakh and Others v. Ukraine.”

³⁹ “Case of Polyakh and Others v. Ukraine.”

люстрации, предусмотренных люстрационным законодательством Словакии (Турек против Словакии, 2006),⁴⁰ Эстонии (Сыро против Эстонии, 2015),⁴¹ Северной Македонии (Караянов против бывшей Югославской Республики Македония, 2017),⁴² Румынии (Найдин против Румынии, 2014),⁴³ Литвы (Сидабрас и Дзяутас против Литвы, 2004),⁴⁴ Латвии (Жданок против Латвии, 2006)⁴⁵ и Польши (Матыек против Польши, 2007),⁴⁶ уже оспаривалось в Суде. В ряде случаев Суд постановил, что меры люстрации уважали частную жизнь истцов, как предусмотрено законом (Ротару против Румынии, 2000),⁴⁷ влияя на их репутацию и/или профессиональные перспективы. В деле Турека Европейский суд по правам человека установил, что первоначальная регистрация истца Агентством государственной безопасности (StB) в качестве пособника имела ряд последствий, включая сохранение досье, в котором истец был зарегистрирован как агент бывшего ГБ. Такая регистрация привела к отказу в допуске, который истец безуспешно оспаривал в суде. Суд установил, что регистрация могла повлиять на частную жизнь истца. В деле Сыро публикация информации о прошлой службе истца в КГБ повлияла на его репутацию. Публикация нарушила толкование Судом права на уважение частной и семейной жизни. Что касается дела Сидабраса, то Суд отметил, что применение статьи 2 Закона о КГБ привело к запрету на профессиональную деятельность истцов в частном секторе на 19 лет в связи с их статусом «бывших сотрудников КГБ». Это ограничение препятствовало их общению с внешним миром и серьёзно усложнило добычу средств к существованию, тем самым повлияв на их частную жизнь. Длительный статус

⁴⁰ “Case of Turek v. Slovakia,” Case No. 57986/00 (Strasbourg: European Court of Human Rights (ECtHR), 2006), <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-72354>, <https://globalfree.domofexpression.columbia.edu/cases/turek-v-slovakia/>.

⁴¹ “Sõro v. Estonia,” Case No. 22588/08 (Strasbourg: European Court of Human Rights (ECtHR), 2015), <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=002-10689>, <http://melaproject.org/node/526>.

⁴² “Case of Karajanov v. The Former Yugoslav Republic of Macedonia,” No. 2229/15 (Strasbourg: European Court of Human Rights, 2017), <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-186294>, <http://biroescp.gov.mk/wp-content/uploads/2017/04/CASE-OF-KARAJANOV-v.-THE-FORMER-YUGOSLAV-REPUBLIC-OF-MACEDONIA-.pdf>.

⁴³ “Naidin v. Romania,” Case No. 38162/07 (Strasbourg: European Court of Human Rights, 2014), <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=003-4910840-6007274&filename=003-4910840-6007274.pdf>.

⁴⁴ “Sidabras and Džiautas v. Lithuania,” Cases No. 55480/00 and 59330/00 (Strasbourg: European Court of Human Rights, 2004), <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-173086>.

⁴⁵ “Case of Ždanoka v. Latvia,” Case No. 58278/00 (Strasbourg: European Court of Human Rights, 2006), <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-61827>.

⁴⁶ “Case of Matyjek v. Poland,” Case No. 38184/03 (Strasbourg: European Court of Human Rights, 2007), <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-80219>.

⁴⁷ “Case of Rotaru v. Romania,” Case No. 28341/95 (Strasbourg: European Court of Human Rights, 2000), <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58586>.

«бывших сотрудников КГБ» ещё больше усложнил связь с обществом и повлиял на их репутацию и общественное положение. Запрет наложил существенные ограничения на возможность истцов заниматься различной профессиональной деятельностью и реализовать своё право на неприкосновенность частной жизни, гарантированное статьёй 8 Конвенции.

К аналогичному выводу пришёл Суд в деле Ивановского, где истец жаловался на влияние решений национальных властей в ходе люстрационного разбирательства на его репутацию, достоинство и моральный облик. Европейский суд по правам человека подчеркнул, что широкие ограничения на трудоустройство истца, включая пятилетний запрет на государственную службу и строгие ограничения возможности трудоустройства в частном секторе, соответствующего его профессиональной квалификации и опыту юриста, глубоко повлияли на его способность заниматься профессиональной деятельностью. Кроме того, стигматизация истца в обществе как информатора тайной полиции бывшего репрессивного режима (то есть по сути недостойного выполнения какой-либо общественной функции в демократическом государстве, основанном на верховенстве права) существенно препятствовала его способности строить отношения в обществе. Это не только повлияло на его репутацию, но и серьёзно ограничило его способность вести нормальную личную жизнь и зарабатывать на существование. Поэтому Суд пришел к выводу, что рассматриваемое решение имело далеко идущие последствия, помимо просто ущерба для репутации, что существенно ущемляло его право на частную жизнь.

В деле Караянова истец подал иск, утверждая, что публикация решения Комиссии от 27 мая 2013 г. на её веб-сайте до того, как оно стало окончательным, нанесла существенный вред его репутации, достоинству и моральному облику, нарушив тем самым его права согласно статье 8 Конвенции. Европейский суд по правам человека признал, что огласка решения Комиссии усложнила реализацию истцом права на уважение его частной жизни.

Однако дело Поляха отличается от других дел о люстрации в практике Суда. Как сформулировано Венецианской комиссией в её окончательном заключении, Закон об очищении власти – закон о люстрации, применение мер люстрации, которые Суд счёл вмешательством в право на уважение частной жизни, несовместимым со статьёй 8 Конвенции, в деле Поляха имело более широкие последствия, чем законы о люстрации, принятые в других странах Центральной и Восточной Европы. Объясняя разницу между ними, следует подчеркнуть, что после падения коммунизма (1989-1991)⁴⁸ люстрация стала инструментом декоммунизации и трансформации режимов из недемократических (учёные выделяют четыре типа недемократиче-

⁴⁸ Mark S. Ellis, "Purging the Past: The Current State of Lustration Laws in the Former Communist Bloc," *Law and Contemporary Problems* 59, no. 4 (Fall 1996): 181-196, <https://scholarship.law.duke.edu/lcp/vol59/iss4/14>.

ских режимов в Восточной и Центральной Европе — авторитаризм, тоталитаризм, посттоталитаризм и султаннизм)⁴⁹ в демократические. В резолюции №1096 1996 года Парламентская ассамблея Совета Европы отметила, что необходимо было демонтировать и преодолеть, в частности, наследие бывших коммунистических тоталитарных систем, характеризующееся такими чертами, как (чрезмерная) централизация, милитаризация гражданских институтов, бюрократизация, монополизация, чрезмерное регулирование и коллективизм.⁵⁰ Это нужно было сделать, в частности, путём открытия досёе секретных служб для публичного изучения в некоторых бывших коммунистических тоталитарных странах и принятия законов о люстрации или деккоммунизации. Эти административные меры были направлены против лиц, не совершивших преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом, согласно резолюции, но поддерживавших тоталитарный режим и занимавших руководящие должности. Такие законы были призваны запретить конкретным лицам осуществлять государственную власть, поскольку ранее они действовали против демократических принципов государственного управления.

Вместе с тем Парламентская ассамблея в той же резолюции установила критерии совместимости мер, применяемых по законам о люстрации, с демократическим правовым государством. Соблюдение этих критериев помогло бы избежать подачи жалоб на эти процедуры в механизмы контроля Совета Европы, включая ЕСПЧ, процедуру мониторинга Комитета министров и процедуру мониторинга Парламентской ассамблеи в соответствии с Директивой № 508 (1995) о выполнении странами-участницами своих обязательств. Одним из критериев является то, что вина должна быть установлена в суде индивидуально для каждого человека, и не может быть коллективного применения наказания. Другой критерий – государство, применяя меры люстрации, должно обеспечить право на защиту; вина лица не может быть признана до вступления в законную силу обвинительного приговора, и должно быть обеспечено право на обращение в суд. Это позволяет избежать использования люстрации для мести, политических и социальных злоупотреблений или для наказания людей, чья вина лишь предполагается, что является задачей прокуроров, применяющих уголовное право. В Парламентской ассамблее подчеркнули, что целью люстрации является защита

⁴⁹ Juan J. Linz and Alfred Stepan, *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe* (London: Johns Hopkins University Press, 1996), 3-6.

⁵⁰ PACE Resolution 1096 “Measures to Dismantle the Heritage of Former Communist Totalitarian Systems” (Council of Europe, Parliamentary Assembly, June 27, 1996), <https://assembly.coe.int/nw/xml/xref/x2h-xref-viewhtml.asp?fileid=7506&lang=en>.

молодой демократии.⁵¹ Кроме того, для уточнения содержания всех критериев соблюдения законности при применении мер люстрации резолюция содержит ссылки на конкретные указания.⁵²

Учитывая всё вышеизложенное, целью законов о люстрации, которые уже действовали в некоторых восточноевропейских странах (в Чехословакии (в Чехии и Словакии с 1 января 1993 г.) – Закон о большой люстрации (Закон № 451/1991 Coll) 1991 г. (его действие в Словакии истекло в 1996 г., но он до сих пор действует в Чехии⁵³) и Закон о малой люстрации (Закон № 279/1992 Coll) 1992 г. (до сих пор действует только в Чехии⁵⁴), Закон о банках и кредитной деятельности 1992 г. (отменён в 1997 г.), Закон о временном введении дополнительных требований к членам исполнительных органов научных организаций и высших аттестационных комиссий 1992 г. («Закон Панева», отменён в 1995 г.) в Болгарии,⁵⁵ а также Порядок регистрации и раскрытия информации о лицах, служивших или сотрудничавших с органами безопасности либо разведывательными или контрразведывательными организациями вооруженных сил государств, оккупировавших Эстонию – Закон 1995 г. в Эстонии) должна была быть такой: законно ограничить доступ представителей бывшего коммунистического режима к правительственным структурам этих государств, тем самым ограничив их влияние на процессы демократизации после падения коммунизма. Одновременно учёные отмечают, что декоммунизация («искоренение коммунистического влияния в обществе»), как цель люстрационных законов, соответствует более узкому смыслу люстрации. И наоборот, при широком понимании люстрация становится синонимом политической чистки⁵⁶ (например, люстрацией называют процесс денацификации Германии после 1945 г. и суд над бывшим руководителем ГДР Эрихом Хонеккером из-за его преступного приказа расстреливать людей при пересечении Берлинской стены, или про-

⁵¹ PACE Resolution 1096 “Measures to Dismantle the Heritage of Former Communist Totalitarian Systems.”

⁵² “Guidelines to Ensure that Lustration Laws and Similar Administrative Measures Comply with the Requirements of a State Based on the Rule of Law” (Council of Europe, 1996), <http://assembly.coe.int/nw/xml/xref/x2h-xref-viewhtml.asp?fileid=7506&lang=en>.

⁵³ Veronika Bílková, “Lustration: The Experience of Czechoslovakia/ the Czech Republic,” report presented at the Conference on “Past and Present-day Lustration: Similarities, Differences, Applicable Standards” (Strasbourg: European Commission for Democracy through Law, 2015), [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-PI\(2015\)028-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-PI(2015)028-e).

⁵⁴ Bílková, “Lustration: The Experience of Czechoslovakia/ the Czech Republic.”

⁵⁵ Momchil Metodiev, “Bulgaria,” in *Transitional Justice in Eastern Europe and the Former Soviet Union: Reckoning with the Communist Past*, ed. Lavinia Stan (Abingdon: Routledge, 2009), 166.

⁵⁶ Vuks, “Lustration Legislation in Eastern Europe and Its Meaning for the Western World.”

цессы над нацистами в Бельгии, Франции и Нидерландах после Второй мировой войны).⁵⁷ Кроме того, ограниченное значение люстрации заключается в том, что это лишь часть процесса декоммунизации в Восточной Европе. Ограничением может быть и само поднятия вопроса о сотрудничестве кандидата или сотрудника с коммунистическим режимом.⁵⁸

Закон об очищении власти, как указано Венецианской комиссией и упомянуто Судом в решении по делу Поляха,⁵⁹ одновременно преследует две разные цели люстрации. Первая — это защита общества от лиц, которые в силу своих прошлых деяний представляют угрозу демократии в стране в традиционном понимании люстрации. Вторая, нетрадиционная цель, реализуемая посредством люстрации, заключается в чистке государственной власти от лиц, замешанных в масштабной коррупции. Тем не менее и первая, и вторая цели люстрации считаются легитимными; ЕСПЧ подтвердил это в деле Поляха.

Примечательно, что термин «частная жизнь» не может быть определён исчерпывающе: он защищает частную жизнь и неприкосновенность человека, ограждает его жизнь от чрезмерного внимания. Это право также обеспечивает рост личности, гарантируя человеку сферу, в которой он может свободно развиваться и реализовывать себя.⁶⁰ В деле Нимитца Суд постановил, что понятие «частной жизни» «...не должно ограничиваться в этом смысле внутренним аспектом», когда человек исключает из этого внутреннего спектра связь с обществом и взаимодействие с внешним миром. Возможность поддерживать связь с обществом и развиваться также должна быть частью права на уважение частной жизни.

Способность развивать отношения с внешним миром переплетается со сферой профессиональной и деловой жизни, и нет никаких оснований разделять эти сферы. Однако не всегда можно в полной мере отличить, какая деятельность относится к профессиональной сфере, а какая нет. Когда профессия человека становится неотъемлемой частью его жизни, сложнее определить воздействие на неё в тот или иной момент.⁶¹

В деле Поляха суд выделил несколько типичных аспектов частной жизни, на которые могут повлиять негативные меры люстрации, такие, как увольнение, понижение в должности или запрет на профессию. Такие аспекты

⁵⁷ Luc Huyse, "Justice after Transition: On the Choices Successor Elites Make in Dealing with the Past," *Law & Social Inquiry* 20, no. 1 (1995): 51-78, <https://doi.org/10.1111/j.1747-4469.1995.tb00682.x>.

⁵⁸ Williams, Fowler, and Szczerbiak, "Explaining Lustration in Central Europe."

⁵⁹ "Case of Polyakh and Others v. Ukraine."

⁶⁰ "Bruggemann and Scheuten v. Federal Republic of Germany," Case No. 6959/75, Report of the Commission (European Commission of Human Rights, Council of Europe, July 12, 1977), <https://www.globalhealthrights.org/wp-content/uploads/2013/10/Bruggemann-v.-Germany.pdf>.

⁶¹ "Case of Niemietz v. Germany," Case No. 13710/88 (Strasbourg: European Court of Human Rights, 1992), <https://hudoc.echr.coe.int/rus/?i=001-57887>.

охватывают «ближайшее окружение» истца, его деловую репутацию и развитие отношений с обществом. В деле Денисова против Украины Суд по правам человека отметил, что обычно существуют два фактора для возникновения спора о вмешательстве в частную жизнь человека: применение оспариваемых мер (которые составляют основу для применения Судом причинно-следственного подхода) или, в некоторых случаях, последствия для частной жизни лица (что может быть основой для подхода Суда, основанного на последствиях).⁶² При применении подхода, основанного на последствиях, решающее значение приобретает порог строгости применяемых мер во всех упомянутых аспектах. Истец должен четко продемонстрировать, что в его случае порог был достигнут, и представить доказательства, подтверждающие действие оспариваемой меры. Суд может признать возможность применения статьи 8 Конвенции только в том случае, если эти последствия являются чрезвычайно серьезными и существенно влияют на частную жизнь лица.

Суд по правам человека применил подход, основанный на последствиях, для обоснования применимости статьи 8 Конвенции в деле Поляха. Он постановил, что закон повлиял на частную жизнь истцов тремя основными путями: это их увольнение с государственной службы, запрет занимать государственные должности в течение десяти лет и включение их имён в общедоступный онлайн-реестр люстраций. Совокупный эффект этих мер существенно повлиял на репутацию истцов и их способность строить отношения с обществом.

Их не просто уволяли, понижали в должности или переводили на другие, менее значимые посты – их уволили и лишили права на государственную службу, немедленно лишив всех наград. Истцам было запрещено работать на государственной службе, в сфере, где они проработали в качестве кадровых государственных служащих в течение многих лет. Кроме того, введение ограничительных мер в соответствии с Законом об очищении власти было обнародовано до рассмотрения апелляции.⁶³

Хотя Закон об очищении власти установил критерии индивидуальной вины, его основной целью было «очистить» государственную службу от лиц, причастных к нарушениям прав и свобод человека и посягательствам на национальную безопасность.⁶⁴ При таких обстоятельствах реализация мер,

⁶² “Case of Denisov v. Ukraine,” Case No. 76639/11 (Strasbourg: European Court of Human Rights, 2018), <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-186216>, <https://laweuro.com/?p=5288>.

⁶³ “Interim Opinion on the Law on Government Cleansing (Lustration Law) of Ukraine Adopted by the Venice Commission at Its 101st Plenary Session” (Venice, 12-13 December 2014), [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdf=file=CDL-AD\(2014\)044-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdf=file=CDL-AD(2014)044-e).

⁶⁴ “Закон України про очищення влади” № 1682-VII (2014), <https://zakon.rada.gov.ua/laws/main/1682-18>.

предусмотренных Законом, может привести к социальной и профессиональной стигме, утверждали истцы. Кроме того, в отличие от болгарского правительства в деле Анчев против Болгарии, правительство Украины не смогло доказать, что на практике Закон об очищении власти не имел такого влияния.

Ссылка на дело Анчева приведена тут, поскольку оно касается жалобы адвоката, который в течение короткого периода времени в 1997 г. был министром юстиции и заместителем премьер-министра во временном правительстве. Согласно разделу 3 (1) Закона о доступе и раскрытии документов и раскрытии принадлежности болгарских граждан к государственной безопасности и разведывательным службам Болгарской народной армии (Закон 2006 г.),⁶⁵ правительственные министры подлежат проверке на предмет связей со службами безопасности коммунистического режима. 12 февраля 2008 г. Комиссия, применяющая Закон 2006 г., опубликовала решение, в котором публично сообщалось, что истец был связан с седьмым отделом шестого управления государственной безопасности в период с 1982 по 1990 г. Это решение было опубликовано на веб-сайте комиссии, тем самым сделав общедоступной информацию о связи истца с органами госбезопасности. И в деле Анчева, и в деле Поляха меры, применённые к истцам, не были оспорены в суде, несмотря на то, что они представляли собой вмешательство в права, гарантированные статьёй 8 Конвенции. В деле Анчева эта мера заключалась в публичном сообщении о связи истца с госбезопасностью на сайте комиссии, а в деле Поляха это были меры люстрации в соответствии с Законом об очищении власти. Однако правительство Болгарии утверждало, что вмешательство в права истца по статье 8 Конвенции в деле Анчева не привело к серьёзным негативным последствиям и существенно не повлияло на его социальное положение. Там также подчеркнули, что общество имеет право быть информированным об аспектах общественной и частной жизни лиц, занимающих высокие должности. В отличие от дела Анчева, в деле Поляха правительство Украины представило обращения истцов в административные суды как оспаривание конституционности Закона об очищении власти, а не прямое оспаривание самих мер люстрации согласно статье 8 Конвенции. По мнению правительства Украины, истцы обратились в Европейский суд по правам человека, поскольку не смогли отстоять свои права в Конституционном суде Украины.

Выводы, к которым пришел Суд в деле Поляха, подтвердили, что применение таких мер люстрации, как увольнение, понижение в должности или запрет на профессию, действительно может привести к применению статьи 8 Конвенции. Кроме того, для применимости статьи 8 истец должен продемонстрировать, что применённая мера существенно повлияла на его частную жизнь, включая такие аспекты, как его «ближайший круг», способность

⁶⁵ “Закон за достъп и разкриване на документите и за обявяване на принадлежност на български граждани към държавна сигурност и разузнавателните служби на Българската народна армия”, <https://lex.bg/bg/laws/ldoc/2135540283>.

строить и поддерживать отношения с другими людьми, а также общественную и профессиональную репутацию. Увольнение в сочетании с 10-летним запретом занимать государственные должности, предусмотренным Законом об очищении власти, а также преждевременным внесением имени люстрируемого лица в общедоступный люстрационный реестр дает ЕСПЧ основания считать, что степень применения мер люстрации существенно повлияла на частную жизнь человека. Следовательно, это делает применимой статью 8 Конвенции.

Если бы истцам были предложены альтернативные варианты, такие, как перевод на менее важные должности или возможность продолжения работы на государственной службе, влияние мер люстрации на неприкосновенность их частной жизни, вероятно, было бы меньшим. В таком случае ЕСПЧ мог бы не найти достаточных оснований для применения статьи 8 Конвенции.

Комментируя решение Большой палаты ЕСПЧ, министр юстиции Украины Денис Малюска отметил, что ЕСПЧ «признал незаконной не люстрацию в целом, а только её чрезмерный объём».⁶⁶ Судя по всему, в юридическом сообществе и Генеральной прокуратуре растёт консенсус относительно внесения поправок в действующий Закон об очищении власти⁶⁷ с учётом рекомендаций Венецианской комиссии. Эти рекомендации подчёркивают необходимость гарантировать, что меры люстрации не направлены против выборных должностей и не нарушают права человека и верховенство права. Дополнительно предлагается учитывать уровень ответственности должностных лиц на занимаемых ими должностях и включать в процесс люстрации результаты специальных проверок. Не исключено, что свою роль в этом вопросе может сыграть Национальное агентство по предотвращению коррупции. Предлагаемые изменения направлены на достижение баланса между подотчётностью и защитой прав личности в рамках мер люстрации.

В реальности основной целью процесса люстрации должна быть защита демократического развития государства, а не преследование политических оппонентов или инакомыслящих. Фокусируясь на обеспечении безопасности и нерушимости демократических институтов, меры люстрации могут способствовать повышению прозрачности, подотчетности и верховенства права. Важно, чтобы любые меры люстрации применялись честно, прозрачно и в соответствии с принципами справедливости и прав человека, способствуя повышению доверия к демократической системе.

⁶⁶ Denis Malyuska, “Decision of the ECtHR on Lustration,” <https://www.facebook.com/people/Denis-Malyuska/10001121947008/>.

⁶⁷ Radchuk, “Instead of Lustration: Is There an Alternative to the Law on the Purification of Power.”

Заключение

В реальности люстрация прежде всего должна защищать демократические институты от любых незаконных посягательств, а не служить карательной мерой против политиков или чиновников, которые могли утратить доверие общества. Нарушение статьи 8 Конвенции в деле Поляха подчёркивает важность обеспечения необходимости и соразмерности мер люстрации в демократическом обществе. Несмотря на это решение, в Украине продолжает действовать Закон об очищении власти, который лёг в основу люстрационных мер в деле Поляха. Это указывает на необходимость постоянного контроля и возможных реформ, которые гарантировали бы, что практика люстрации соответствует демократическим принципам и уважению к правам человека. Учитывая, что признание Судом возможности применения статьи 8 Конвенции является единственной основой для оценки предполагаемых нарушений права человека на защиту и уважение личной и частной жизни, эти стандарты могут служить руководством для властей Украины и других стран-участниц Совета Европы. Это может гарантировать, что любые меры люстрации, в случае их реализации, будут направлены на то, чтобы избежать применения статьи 8 Конвенции, и будут применяться с соблюдением права на уважение к частной жизни, закреплённого в Конвенции.

Сфера действия люстрации выходит за рамки политических соображений и должна распространяться на тех, кто подрывает демократические институты и ценности, включая право на протест.

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно авторам и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «Партнёрство ради мира», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Благодарность

Connections: The Quarterly Journal, Vol. 21, 2022, вышел при поддержке правительства США.

Об авторах

Елена Поливанова – преподаватель кафедры права Киевского юридического университета Национальной академии наук Украины. Обладая опытом в области юридических исследований и образования, вносит вклад в академическое сообщество посредством преподавания, научных публикаций и активного участия в юридических дискуссиях.

Екатерина Николина – сотрудница кафедры теории и истории права и государства Института права Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. Занимаясь теорией права и историческим анализом, она обогащает академическую науку своими исследованиями, преподаванием и научным вкладом.

Кирилл Степаненко – сотрудник кафедры общеправовых дисциплин юридического факультета Днепровского государственного университета внутренних дел. Его опыт в области юридического образования и общих правовых принципов помогает готовить будущих юристов.

Сергей Мирославский – преподаватель кафедры права и методики преподавания правоведения Сумского государственного педагогического университета им. А.С. Макаренко. Уделяя особое внимание юридическому образованию и педагогическим методам, вносит большой вклад в формировании будущих юристов.

Алла Пухтецкая – сотрудница кафедры административного права Института права Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. Обладая опытом в области административного права, она вносит значительный вклад в юридическое образование и исследования в Украине.